

Яков Маркович Окунев

Катастрофа

Яков Маркович Окунев

Катастрофа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22139473

Аннотация

«Без малого сажень пространства между носками лакированных ботинок и доньшком цилиндра. Это пространство заполнено Вильямом Ундерлипом. В этом пространстве мы имеем: хорошо вытюженные брюки безукоризненного черного цвета, упругую выпуклость живота с расходящимися крыльями черной визитки, круглую, голую, как пятка, голову, посаженную без шеи на массивные плечи...»

Содержание

Часть первая	4
I	4
II	12
III	20
IV	29
V	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Яков Окунев

Катастрофа

Социально- историческая повесть

Часть первая

I

Без малого сажень пространства между носками лакированных ботинок и доньшком цилиндра. Это пространство заполнено Вильямом Ундерлипом. В этом пространстве мы имеем: хорошо выутюженные брюки безукоризненного черного цвета, упругую выпуклость живота с расходящимися крыльями черной визитки, круглую, голую, как пятка, голову, посаженную без шеи на массивные плечи.

Позвольте, а глаза? Ах, да, глаза. Вот они. Они утонули в глубине между пухлыми щеками, напоминающими розовый зад новорожденного младенца, и нависшими огненными метелками бровей. Две голубые щелочки.

Впрочем, нет ни глаз, ни головы. Из-за газетной простыни

«Нью-Йоркского Вестника» видна только половина мистера Ундерлипа – от лакированных ботинок до первой пуговицы жилета.

И слоится дым пахучей сигары над тем местом, где спрятана голова Вильяма Ундерлипа.

Что за идиотство! В стране небывалый урожай. Да, к прискорбию, это факт. К прискорбию для Вильяма Ундерлипа, хлебного короля. Хлебные акции падают, рента падает, все падает. И если в стране урожай, то... то надо, чтобы не было урожая. Да, да, ни гугу. Тс-с!

Газета летит на пол. Саженное тело Вильяма Ундерлипа принимает вертикальное положение и устремляется в переговорную будку.

Никелированный рычажок скользит по полированному сегменту с подковкой костяных кнопочек. Стоп! Под нажимом рычажка одна кнопка нырнула в глубину своего гнезда. Звонок. Белым матовым сиянием вспыхнул экран на стене. Медный тюльпан мегафона грохочет:

– Алло! Редакция «Нью-Йоркского Вестника».

– Алло! Вильям Ундерлип вызывает директора «Вестника» Редиарда Гордона.

На экране куриная нога в воротничке и галстук. Куриная нога сломалась под углом в 60 градусов.

– Редиард Гордон, директор «Нью-Йоркского Вестника», в распоряжении мистера. Мистер читал сегодняшнюю статью об урожае в Северо-Американских Штатах?

Гремит Вильям Ундерлип:

– Идиотская статья!

Куриная нога изображает собой прямой угол, потом острый угол, потом... Нет, она положительно сейчас сломается пополам.

Подняв палец в уровень со своим носом и рубя им в воздухе, Ундерлип, хлебный король, выбрасывает обрубки фраз:

– К черту оптимизм! Когда пресса делает веселое лицо, то... Ну? Этот осел, автор этой статьи, слышал ли он, что происходит на бирже?

Этот осел сам Редиард Гордон. Он вытянулся на экране длинной тонкой спицей.

– Олл-райт! В вечернем выпуске будет контрстатья.

– А цифры, черт подери? Вы привели цифры. Что вы делаете со статистикой?

Редиард Гордон, с позволения Ундерлипа, плюет на статистику. В вечернем выпуске будет контрстатистика. Голос Ундерлипа теплеет:

– Итак, плачьте, Редиард Гордон. Плачьте в передовой статье, сокрушайтесь в биржевом отделе. Пролейте слезу в утреннем, и в дневном, и в вечернем выпуске. Ибо дивиденд, дивиденд – это ось.

– Это ось, хо-хо-хо! – громыхает в приемник Ундерлип.

Шкафик из черного дерева стоит в углу кабинета. На ярко-белом кругу циферблата, отсекая минуты, сходятся и расходятся стрелки.

Из шкафика четко отчеканил звонкий голос:

– Четырнадцать.

И вслед за этим прозвучало четырнадцать тонких, как звоны водяных капель, ударов.

Эдвард Блюм, директор, – сама точность. Ровно, минута в минуту. Маленькие сухонькие ручки ныряют в портфель. Мистеру Ундерлипу известно, что элеваторы забиты зерном, экспорта нет, потому что Россия...

Ах, бож-же мой! У мистера Ундерлипа больная печень, и когда говорят о России, то...

Ради бога, у Ундерлипа есть печень, чтоб она пропала!

Директор Эдвард Блюм уважает печень сэра:

– Будем говорить о маршрутах.

– Да, да, о маршрутах.

– Сегодня в двенадцать часов одиннадцать пароходов, груженных хлебом, идут на Лондон.

– Кто главный агент? Человек с мозгами?

Эдвард Блюм буравит крошечным остреньким пальчиком воздух над своею головой:

– О, мистер! Очень с мозгами!

– Посадить на мель! – шипит шепотом Ундерлип.

– Кого? Агента?

– Х-хо! Одиннадцать пароходов. Авария. Весь хлеб до последней тонны рыбам. Поняли?

– О, мистер. Очень... Цена! Дивиденд!

– Да-да, в гору. Ясно?

– Вполне.

У Эдварда Блюма делаются очень узенькие глазки, а губы принимают вид молодого месяца, опрокинутого рожками вверх. Он снова роется в своем портфеле, собираясь приступить к деловому докладу, но Ундерлип делает неожиданную экскурсию в область библии:

– Вы знаете историю Иова, мистер? Удивительное стечение счастливых обстоятельств.

– Напротив, мистер.

– Не напротив, – упрямо мотает головою Ундерлип. – Со всем нет. Его беда была в том, что его капитал не находился в акциях. Хлебные акции лезут в гору от неурожая, от аварии хлебных транспортов. Таковую же привычку имеет рента. Поняли, мистер?

– Очень.

– Нет, вы не поняли! – резко произносит Ундерлип и, наклонившись к Эдварду Блюму и дыша ему в лицо запахом сигары, шепчет: – Несчастье за несчастьем. Пожар на самом большом элеваторе в Филадельфии. До последнего зерна.

– Но прокуратура, мистер?

– Элеватор наш. И прокуратура тоже... тоже наша. – Ундерлип делает жест, означающий, что прокуратура наша: он сжимает в кулаке воздух, символизирующий прокуратуру, и грохочет:

– Хо-хо, х-хо-хо!

– Хе-хе-хе, – трещит сухоньким смешком Эдвард Блум. –

Будет сделано, мистер Ундерлип.

Шипя шинами по асфальту, несется желтый автомобиль. Кожаные подушки удобно пружинятся под сиденьем и за спиной Ундерлипа.

Лампочка струит сверху опаловые ручки света.

Тротуары запружены котелками, шляпами, кепи. Котелки, кепи и шляпы живыми гроздьями унижают вагоны трамвая и воздушной железной дороги. Они низвергаются говорливым водопадом в люки тоннеля метрополитена. Рестораны, кафе, бары, кино, кабаре глотают реки шляп, кепи, котелков.

Статистика показывает... Позвольте, при чем статистика? Ах, да! Это по поводу населения Нью-Йорка. Оно выросло на сто процентов. Котелков, кепи, шляп стало вдвое больше. Каждая кепка ест хлеб. Каждая! И все они вместе едят хлеб. Вдвое больше.

Что такое человек? Г-м! Живая двуногая рента. Как котируется на бирже человек?

Ундерлип улыбается. Трясутся пухлые щеки, дрожит почка, выбегающая огненной струйкой из жилетного кармана, зыблется упругое полушарие живота...

И вдруг... Именно вдруг. Автомобиль неожиданно застопорил. Захрюкал рожок. Еще раз. Ни с места.

В чем дело? Ундерлип откидывает форточку в передней стенке автомобиля.

– Что случилось, Бенни?

Но от Бенни нет ответа. Шевелит губами, а звук не долетает. Потому что шляпы, котелки и кепи сбились сплошной массой. Рты в движении. Звенит воздух. Факелы. Огненные копья огней. Знамена. Ревет контрабас и бухает барабан.

Когда над головами не красные лоскутья, а полосатые американские флаги, то дубинки полисменов не имеют работы. Оркестр играет «Янки-Дудль», котелки и кепи поют «Янки-Дудль». Ку-Клукс-Клан. Полезные ребята.

Ундерлип выходит из автомобиля. Становится рядом с молодым в полосатой фуфайке и кепке с надорванным козырьком. Сам Ундерлип – хлебный король, вплетает свой благородный голос в хор и с чувством поет «Янки-Дудль».

Верзила в полосатой фуфайке хлопает по плечу Ундерлипа и подмигивает подбитым левым глазом. Ну, это немножко слишком. Ундерлип отодвигается в сторону и становится на подножку своего автомобиля.

Ионафан Кингстон-Литтль. Вождь американских патриотов. С позволенья мистера, он воспользуется автомобилем, как трибуной. Ундерлип позволяет.

Ионафан Кингстон-Литтль – пухленький катышек, но голос у него иерихонская труба. Тише! Тише! Слово Кингстону-Литтлю.

– Плевать на демократов! К черту социалистов! Америка для чистокровных американцев. Негры, евреи, китайцы, немцы все зеленые трепещите! В Америке будет сильная

национальная власть. Работу и права только американцам. Остальные пусть убираются ко всем чертям!

Кепки и котелки летят в воздух. Подброшенный сотнями рук Ионафан Кингстон-Литтль летит в воздух. Гремит «Янки-Дудль». Ревет труба. Бухает барабан.

Полезные ребята. Ундерлип лезет в автомобиль, удобно усаживается на упругом сиденье и напевает про себя;

– Три-ди-дим-ди!

Рожок хрюкает три раза, и автомобиль трогается в путь.

II

Поднимаясь в лифте на десятый этаж, Ундерлип пребывает в неизменно отличном расположении духа и, продолжая напевать свое «три-ди-дим», снисходит до маленького панибратства с мальчиком в красной курточке, в галунах и золотых пуговках, поднимающим лифт. Он захватывает двумя пальцами, большим и указательным, розовую щеку мальчика и щиплет ее:

- Три-ди-ри... Имя?
- Тедди, мистер.
- Возраст?.. Ди-ри-дим.
- Четырнадцать, мистер.
- Ди-ри-ди-ди... Патриот или красный? Хо-хо!
- О, мистер! Мой дядя...
- Что твой дядя, бой?
- В организации Кингстон-Литтля.
- Дри-ди-ри-дим... Получай, бой.

Маленькая желтая монетка перекачивается из пухлой ладони Ундерлипа в сложенную лодочкой ладонь юного патриота, у которого на щеке цветет розочка от снисходительного щипка хлебного короля.

А хлебный король, выйдя из лифта, направляется через приемную акционерной компании «Гудбай» в директорский кабинет. В приемной посетители. Кивок головы направо, ки-

вок налево, два-три рукопожатия. По очереди, мистеры и миссис, по очереди, дри-ди-ри-дим... Ах! Его преосвященство. Какая честь! Конечно, вне всякой очереди. Пожалуйста.

У его преосвященства накрахмаленное лицо. Оно мертво, деревянно, и когда его преосвященство говорит или смеется, то размыкается только узенький бледно-розовый шнурочек губ и золотится ряд великолепно сделанных зубов.

Преосвященство садится в кресло, сохраняя свою крахмальность. Ундерлип хочет сказать свое «дри-дири», но спохватывается и маскирует вырвавшееся было легкомыслие кашлем.

Замороженным голосом его преосвященство произносит:

– Я получил пакет акций компании «Гудбай». Примите, мистер, глубокую благодарность церкви.

Таким же ледяным голосом Ундерлип отвечает:

– Правление нашей компании находит, что церкви не подобает существовать мелкими случайными даяниями. Наше правление делает почин. Церкви подобает быть акционером и распоряжаться дивидендами.

Бледно-розовый шнурочек размыкается.

– Да, дивидендами.

– На акции вашего преосвященства получается дивиденда триста тысяч долларов.

– С божьей помощью, триста тысяч долларов.

– Скоро будут выборы.

– Выборы, – доносится эхо из-за золотых зубов его преосвященства.

– Палаты должны быть послушны верховной власти.

– Должны.

– А власть должна слушаться голоса патриотов.

– Да, патриотов.

– Итак, церковь разделяет наши взгляды.

– Церковь разделяет... благословляет.

Его преосвященство делает благословляющий жест, торжественно прощается и торжественно уносит свое накрахмаленное тело из кабинета хлебного короля.

Лицо Ундерлипа тотчас же размораживается, и он, приоткрыв дверь, звенит:

– Ди-ди-дим... Кто следующий?

В промежутке времени, пока входит следующий, Ундерлип хлопает себя по тому месту визитки, где находится боковой карман с бумажником, смеется:

– Ха-ха-ха! Церковь. С божьей помощью.

Следующий – Редиард Гордон, директор «Нью-Йоркского Вестника». Весь в устремлении вперед. Куда угодно и что угодно.

– Я доволен вами, мистер... Дри-ди...

Верхняя половина туловища Редиарда Гордона устремляется к Ундерлипу, тогда как нижняя, утвержденная на желтых массивных ботинках, остается на месте:

– Мистер, наша газета...

– Моя газета, – поправляет Ундерлип.

– Ваша газета, мистер, завтра открывает кампанию за высокие пошлины на иностранный хлеб.

– Отлично, мистер. Высокие пошлины – дорогие цены, дорогие цены – большие дивиденды, большие дивиденды... Ди-ри-ди-дим...

– Хи-хи-хи!

Ундерлип отпирает правый ящик письменного стола.

В правом ящике – белые пакеты, и в каждом пакете цветные бумаги с водяными знаками и затейливыми подписями членов правления акционерной компании «Гудбай». Акции. Один такой пакет он протягивает Редиарду Гордону.

– Завтра общее собрание акционеров. Есть оппозиция. Здесь сто акций, мистер. У вас будет сто голосов, мистер. Сто голосов против оппозиции.

Редиард Гордон прижимает пакет к сердцу.

– Есть, сэр. Позвольте выразить...

– До свиданья. Ди-ди-ди!

Следующие и еще следующие. Ундерлип опустошает свой ящик с пакетами и умножает число голосов против врагов своего правления. Ну-ка, прикинем, дри-ди-ди! Его преосвященство стоит пять тысяч акций.

Когда из собрания акционеров его преосвященство подаст голос, то это будет не один голос, а пять тысяч голосов, черт возьми! А эта куриная нога? Сто голосов. Закон? Ундерлип раздает голоса из ящика своего стола с глазу на глаз и плюет

на закон. У правления остается законное число акций. Комар носа не подточит. Ди-риди-дим.

А на улицах, а на бульварах, а в скверах манифестируют чистокровные американцы, патриоты с оркестрами и полосатыми флагами. Они горланят, не переставая, «Янки-Дудль», и вместе с ними, выхаркивая остатки своих легких, орет, задыхаясь, чахоточный Сэм. Удушливые газы съели его легкие на войне, в груди Сэма сидит немецкая пуля. Сэм не обедал сегодня, не обедал вчера, не обедал... Давно не обедал.

У Сэма кипит желчь. Баста! Надо выгнать из Америки всех зеленых немцев, поляков, евреев. Тогда будет работа, и Сэм будет обедать каждый день. Еще надо свернуть головы всем этим жирным акулам, которые живут в мраморных дворцах и устраивают локауты.

– Америка американцам! – хрипит Сэм.

– У-ра! – подхватывают вокруг него.

– Долой миллиардеров! – выбрасывает Сэм из своей голодной души.

Что он кричит? В него вонзается пара десятков глаз, таких же голодных и таких же злых, как его глаза. Чья-то рука впивается в его плечо и трясет его:

– Что ты крикнул? Ты социалист? Сэм возмущен:

– Я социалист?! К черту красных, розовых, желтых! Я не получу от них жратвы.

– Кто же ты такой?

– Истый американец. Америка для американцев.

– Но ты горланил: «долой миллиардеров».

– Ну да, долой этих пиявок. Ведь я безработный. Два года без работы.

– И я.

– И мы.

– Компания «Гудбай» вышибла меня из фермы, – говорит серый мужиковатый парень с бычачьими глазами и орет громовым голосом:

– К дьяволу миллиардеров.

– Правильно! Правильно! – подхватывают несколько голосов.

Сзади напирают новые и новые кепки и котелки, и Сэма и мужиковатого парня уносит толпою вперед, в желтый тусклый туман.

На экране, в витрине редакции, горят огненные буквы, они кричат на всю улицу:

Америка для американцев!

высокие пошлины на иностранный хлеб

мы не дадим нажиться иностранцам

мы не дадим вывозить наше золото

новость!!! новость!!!

читайте вечерний выпуск!

пожар в Филадельфии

авария в океане

тысячи тонн хлеба для океана

вечерний выпуск стоит

Толпа несет Сэма. У витрины «Вестника» – затор. У Сэма вскипает желчь.

– Ха-ха! Золото? Пусть вывозят мое золото!

– Bravo, парень, bravo! – трещат кругом ладони. – Пусть вывозят наше золото. Начхать!

Но у Сэма есть еще кой-что. Вместе с кровавым плевком он выбрасывает:

– Х-хе! Америка для американцев, а какие американцы будут покупать дорогой хлеб?

– Откуда ты взял это, парень? – раздаются недоуменные возгласы.

И Сэм, сам того не подозревая, повторяет доводы Ундерлипа:

– Высокие пошлины – высокие цены. Ко всем чертям высокие пошлины!

– Долой!

– Бей!

Вложив два пальца в рот, какая-то кепка оглушительно свистит: Фю-юить! Долой! Бей! Долой!

Камень летит в витрину «Вестника», звенит стекло. Экран гаснет. На ступенях редакции, в озарении дугового фонаря, коротенькая, круглая фигурка Кингстон-Литтля. Тише! Тсс!

Литтль обращается к дорогим братьям. Дорогие братья попались в чью-то ловушку. Конечно, это агенты Москвы

подбили дорогих братьев на такую штуку, ибо братья ни уха, ни рыла не понимают в политике. Если бить окна, то надо выбирать окна редакции врагов национального движения.

Сэму нужно спросить Литтля кое-что о высоких пошлинах на хлеб. Но Сэм не решается, потому что он ни уха, ни рыла...

– Правильно! – хрипит Сэм.

– Правильно! – грохочут сотни Сэмов, ни уха, ни рыла не понимающих в политике, но голодных и злых из-за безработицы.

III

Для того, чтобы устроить совет четырех золотых мешков, совсем не требуется собирать их в одном месте. Каждый сидит у себя в кабинете: короли хлеба и металла в Нью-Йорке, король угля и нефти – в Чикаго, король... нет, правильнее сказать, королева... Итак, королева транспортных средств – в Вашингтоне. Они сидят в своих уютных креслах, в разных концах республики и, несмотря на это, ведут оживленную беседу.

Делается это очень просто. Каждое золотое величество поворачивает рычажок фоторадиофона до надлежащей кнопки на доске коммутатора и бросает в приемник:

– Алло!

– Алло! – скрипит ржавый голос короля угля и нефти из Чикаго, мистера Бранда.

– Алло! – звенит королева транспорта, миссис Мариам Дэвис.

– Алло! – гремит металлом хлебный король.

– Алло, алло! – вкрадчиво мурлыкает мистер Лориссон, король всей тяжелой индустрии Соединенных Штатов.

И на экране фоторадиофона каждый король видит всех остальных трех королей. Просто и ясно.

Парламент говорит и голосует. Сенат говорит и тоже голосует. Президент не говорит и не голосует, а подписывает то,

что наговорили и наголосовали джентльмены из парламента и сената. А четыре магната Северо-Американских Соединенных Штатов не говорят, не голосуют, не подписывают, а заставляют голосовать, говорить и подписывать то, что им нужно, джентльменов из парламента и сената и джентльменов из Белого дома.

А что им нужно? По улицам Нью-Йорка, Вашингтона, Бостона, Филадельфии гремит, не переставая, «Янки-Дудль». Патриоты сворачивают скулы красным и бьют окна их редакций – вот что им нужно. Когда безработный Сэм, выхаркивая остатки своих легких, горланит: «Америка для американцев», он делает, не зная этого, именно то, что нужно трем джентльменам и одной леди, совещающимся по фоторадиофону.

Положение не делает разницы. Джентльмены и леди обедали. Сэм давно не обедал. Но это ведь мелочь, не правда ли? Обедавшие джентльмены и голодный Сэм заняты по горло общим делом.

– Алло! Мы начинаем! – гремит в приемнике хлебный король.

– Олл-райт, – кивает остроконечной головою с голубыми, оттопыренными, как ручки вазы, ушами мистер Бранд, угольный король.

– П-ф-ф! П-ф-ф! – дымит в ответ из трубки коротенький, пушистенький, мягонький, точно холеный белый котенок, металлический король, мистер Лориссон.

Королева транспорта, миссис Дэвис, держит в руках крошечную обезьянку, глядит на нее глазами цвета ртути и говорит, обращаясь не к джентльменам, а к обезьянке:

– Мы начинаем, моя крошка.

И делает «чмок-чмок», целуя свою крошку прямо в губы...

– Треть акций газетного треста у меня вот здесь, – хлопает по своему карману Ундерлип.

– П-ф-ф! Большой дивиденд?

– Да, да, какой дивиденд? – настораживает свои голубые уши мистер Бранд и делает пальцами такое движение, точно считает деньги.

– Х-хе! – пожимает плечами Ундерлип. – Пресса куплена не для дивиденда, а для... Нам нужно делать общественное мнение.

– Чмок, чмок, – целует Мариам Дэвис обезьянку. – Слышишь, моя крошка, нам нужно мнение.

Крошка выражает свой восторг в очень странной форме: горбит спину, подымает хвост и... Мариам Дэвис вынуждена извиниться перед джентльменами: у ее крошки испорчен желудок. В этом виноват повар, специально готовящий для крошки. Он немедленно будет уволен.

Джентльмены учтиво выслушивают Мариам Дэвис, соболезнуют испорченному желудку крошки и испорченному платью леди, одобряют ее решение прогнать повара и продолжают совещание.

– Итак, дивиденда не будет, но будет общественное мнение, – продолжает король хлеба. – За нас будет говорить печать. Наши взгляды будет проводить его преосвященство.

Мистер Бранд прикладывает к своему голубому уху ладонь, сложенную ложкой:

– Его пре-о-свя-щен-ство?

– П-ф-ф! П-ф-ф! – невозмутимо дымит король металла. – Сколько стоит его преосвященство?

– Пять тысяч акций, джентльмены, – с весом произносит король хлеба.

– Это недорого, пф-ф-пф!

– Это совсем гроши, моя крошка.

– Религия – фундамент культуры! – кивает острой головой и синими ушами металлический король.

– Мы решили, что нам необходима война, – продолжает король хлеба. – Война с Англией.

Джентльмены и леди расцветают. В четырех некоронованных головах королей проносится целый вихрь соображений. Вот они, эти соображения:

«Пфф! Пфф! Что такое война? Это монбланы чугуна, стали, железа. Горы металла. Дивиденд. Дивиденд!»

«Это миллионы людей, одетых в хаки, миллионы челюстей жуют хлеб. Сотни тысяч тонн хлеба. Акции лезут в гору».

«Это дредноуты, крейсера, субмарины, аэропланы жрут нефть и уголь. Золото! Золото!»

«Моя крошка, чмок, чмок. Наш транспорт, моя крошка, нуждается в просторе. Мы победим. Ах, опять желудочек. Бож-же мой!»

Но фоторадиофон не передает мысленных соображений. Впрочем, разве у джентльменов и леди только узкоэгоистические цели? О, нет! Они патриоты. Америка для американцев! Что касается Англии, то почему бы и Англии не быть для американцев? Да, да. Сверхмиллиардеры проникнуты сверхпатриотизмом, и Ундерлип, хитро прищулив левый глаз, долго и убедительно говорит о национальных задачах Америки в английских колониях, которые по недоразумению и несправедливости судьбы принадлежат Англии, тогда как... Словом, Америка превыше всего...

Джентльмены дружно аплодируют. Леди лишена возможности аплодировать, потому что отлучилась на минутку с позволения джентльменов, чтобы поставить клизму бедной крошке и намылить голову ее повару.

Чахоточный Сэм совсем не знает того, что он выражает общественное мнение своей кашляющей и харкающей фигурой. Бой в светлых пуговицах поднимает ее на лифте, лифт останавливается против дверей квартиры Кингстон-Литтля, и Кингстон-Литтль, сам Кингстон-Литтль раскрывает двери Сэму:

– Пожалуйста, мистер Сэм.

Мистер Сэм? Черт возьми! Вот что значит тонкое воспи-

тание. Мистер Сэм! Плохо воспитанные люди не знают такого обращения. Они прибавляют обыкновенно к имени Сэма лестные клички: «голоштанник», «прощелыга», «ходячая падаль», но «мистер» – никогда.

Сэм исполняется уважением к своей особе и выпрямляет сутулую спину.

Кингстон-Литтль ведет Сэма через освещенные океаном электричества комнаты, по мягким коврам. В комнатах расставлено много штучек из фарфора, мрамора, гипса, бронзы, и Сэм, прижимая локти к туловищу и вертя головой вправо и влево, старается не задеть чего-нибудь и не наделать беды.

В большой комнате накрыт белой скатертью круглый стол. Бутылки с красным, и бутылки с белым, и бутылки с желтым, как янтарь, вином. На столе один-единственный прибор. И у этого единственного прибора Кингстон-Литтль усаживает Сэма.

– Надеюсь, уважаемый мистер Сэм не откажется пообедать.

О, он не откажется! Уже два дня, как у него в желудке играет оркестр. Скверно играет, с позволения мистера Литтля.

Сам Кингстон-Литтль – сам! – наливает виски в стакан Сэма, потом наливает еще что-то густое, как прованское масло, потом еще что-то жгучее, как огонь. Какой-то мистер во фраке и в белых перчатках вносит ростбиф, горячий, красный, сочный. Сэм молниеносно очищает тарелки, осушает стаканы. Музыка в желудке Сэма перестает играть по-

хоронный марш. Сэм уважает себя, уважает Кингстон-Литтля, уважает мистера в белых перчатках.

– Слушайте, Сэм, между нами говоря, вы – хороший малый, – хлопает его по плечу Кингстон-Литтль.

– Правильно сказали, мистер.

– Я решил вывести вас в люди, Сэм.

В люди? С разрешения мистера, Сэм был молотобойцем на заводе. Сэм знал лучшие времена. Он получал двадцать долларов в неделю, черт возьми! Он хи-хихи! – волочился за женщинами. Да! Было времечко.

– Прежде всего, вы должны экипироваться, Сэм. Вот вам пятьдесят долларов.

Экип... Экип... Как? Сэм полагает, что такое непонятное слово касается выпивки. Нет, баста. Если он немного еще сегодня поэпи... пикируется, то, пожалуй, попадет в участок.

– Вы не поняли меня. Вы должны приодеться.

– Благодарю, мистер. Но я на эти деньги буду лучше обедать. Я целый месяц буду обедать, мистер.

– Зачем? Вот вам еще сто долларов. На обеды, Сэм. Сто долларов? Сэм щиплет себя в ляжку. Нет, это не сон, а настоящая новенькая бумажка в сто долларов.

– О, мистер. Если вам угодно, я обязательно эпи... эпи... тьфу!

– Теперь вот что, мистер Сэм. Так как вы патриот...

– О, мой мистер!

– И преданный человек...

– Готов душу...

– Нет, Сэм, душа останется при вас. Вы знаете, где находится клуб «Пятиконечная Звезда»?

– На Бродвей-стрите, мистер.

– Верно. Вы сообразительный малый. Вы понимаете толк в планах? Вот смотрите.

Кингстон-Литтль чертит карандашом прямо на белой ска-терти. Вот Бродвей-стрит. Вот «Пятиконечная Звезда». Вот из переулка калитка во двор. А вот черная лестница.

– Есть! Понял! Мистер желает, чтобы я изучил ходы и выходы в клубе красных?

– Ничего подобного. Мистеру нужно, чтобы уважаемый мистер Сэм взобрался пятнадцатого числа утром по черной лестнице на чердак над клубом.

– На чердак? Почему не в самый клуб?

– В клуб не надо. Непременно на чердак.

– К вашим услугам, мистер.

– Около полудня в клубе будет заседание комитета красных. И ровно в это время по Бродвей-стриту мимо клуба будет шествовать манифестация патриотов.

– И я должен с чердака кричать: «Америка для американцев»? Ха-ха! Ловко придумано.

– Да нет же. Достопочтеннейший мистер Сэм должен бросить из чердачного люка в манифестантов вот эту коробочку, которую никому показывать нельзя. И если дорогой мистер Сэм выполнит поручение, то получит еще сто долларов

и выйдет в люди.

– Только всего? Дайте мне скорее вашу коробочку, мистер.

– Осторожнее. Не оброните. Сохраняйте ее от сырости.

– Будьте покойны. Я умею обращаться с деликатными вещами. Ведь у меня были лучшие времена, мистер Кинг-стон-Литтль.

– И никому... Ни звука, мистер Сэм.

– Т-сс! Ни звука!

Сэм прикладывает палец к губам и удаляется, немного пошатываясь, но чувствуя, что он помаленьку выходит в люди.

IV

Земной шар это... Это всего-навсего земной шар. Всего пять частей света. Почему пять, а не шесть, а не семь, не тридцать семь? Чем больше, тем лучше. Мистер Лориссон хочет продавать уголь и нефть. Мистер Ундерлип хочет кормить весь земной шар своим хлебом. Только своим. Но Англия, но Франция, но Германия? Земной шар – хе-хе! – только и всего один земной шар. Да и то на нем есть необитаемые полюсы, где живут белые медведи, которые не покупают ни угля, ни нефти, ни хлеба... Словом, да здравствует война!

Демократы, республиканцы и патриоты, Лориссон, Бранд и Ундерлип прекращают маленькую войну между собою, чтобы сделать большую войну сообща.

Вы знаете, как делается большая война? Пушками? Дредноутами? Подводными лодками? Нет, нет, не забегайте вперед. Всякому овощу свое время.

В огромном зале нью-йоркской биржи, у огромной черной доски садится маклер, у которого голова, похожая на луковицу хвостом кверху, фарширована курсами банкнот, векселей, акций. Он выводит на доске остренькими, вытянувшимися, как солдаты на фронте, буквами:

*«В предложении акции „Гудбай“, Лориссона, Бранда.
Спроса нет».*

Никто не бежит. Никто не прячется. И все же это называ-

ется паникой. Трещат телефоны, выстукивают телеграфные аппараты. Летят радио:

– Крах, крах, крах!

В парламенте паника. Никто не бежит. Никто не прячется. Напротив, все без исключения депутаты в сборе. Ложа журналистов полна. В ложе дипломатов пусто. Но это называется паникой.

У президента палаты дрожат руки. Проталкиваясь в тесной толпе депутатов, он бросает лидеру правой, и лидеру центра, и лидеру левой:

– Бумаги не стоят ни цента! Мои бумаги!

– И мои! – заявляет лидер правой.

– И наши! – произносят лидеры центра и левой.

И центр, и правая, и левая дружно произносят речи о великих национальных задачах народа, дружно бьются в истерике на трибуне в защиту национальной чести и дружно голосуют военные кредиты. Мистер из Белого дома, господин президент, не голосует, а, подписывая войну, думает о дивидендах. Только несколько чудаков на крайних левых скамьях парламента ни за что не желают войны. Они кричат что-то о Сэме и о цене его крови. Экие чудаки! Разве кровь котируется на бирже?

А безработный Сэм, о крови которого вопят левые чудаки в парламенте, сидит на чердаке клуба красных «Пятиконечная Звезда», харкает кровью и крепко держит в обеих руках металлическую коробочку. Это обыкновенная коробоч-

ка из-под килек, но к верхней крышке припаяна стеклянная трубочка с двумя пересекающимися тонкими проволочками внутри.

Та самая кровь, о которой кричат левые чудаки в парламенте, закипает в сердце Сэма. Он видит из люка мистера Райта, знаменитого Джека Райта, коммуниста, о котором Кингстон-Литтль говорит на митингах, что он куплен Москвой. Джек Райт худ и тонок, как вязальная спица. У него земляной цвет лица и острые, как иголки, черные глаза. На лбу у него два шрама: один вдоль, как раз посередине лба, другой – поперек, от виска до виска. Говорят, что Джека Райта пытали сыщики. Так ему и следует: зачем он продался Москве?

Райт идет по улице, помахивая тросточкой и не подозревая, что над его головой, на чердаке, сидит Сэм, его враг. Райт насвистывает какую-то песенку, его тросточка вертится мельницей, он поднимается на ступеньки и входит в клуб «Пятиконечная Звезда».

– Р-р-р! Р-р-р! – рычит Сэм.

Этих молодчиков там, внизу, набралось человек тридцать. Они готовятся к выборам, и большая часть из них выставлена в списке красных. Как же! Держи карман!

Сэм плюет на красный список и подаст свой голос за патриотов, Америка для американцев – и ни гвоздя!

– Америка для американцев! – гремит в конце улицы.

– Ур-ра!

Слышна гулкая молотьба барабана и яркие всплески тру-

бы. Черная голова толпы выползает на улицу. Полощутся по ветру полосатые знамена.

Неожиданно в голове Сэма шевелится мысль: для чего нужно бросить эту коробку вниз, на патриотов? Что находится в этой жестянке?

Ни уха, ни рыла. Так сказал Кингстон-Литтль. Ни уха, ни рыла не понимает Сэм в этой штуке, которая называется политикой. Кингстон-Литтль сказал, что надо бросить, значит, так надо. Политика! И кроме того, сто долларов – это вам не жук накашлял.

Р-раз! Сэм бросает жестянку в самую середину манифестации. Огненный веер. По улице точно прокатили десяток грузовиков. Что-то летит кверху, во все стороны. Пыль штукатурки падает на голову и плечи Сэма и белит его с головы до ног. Струя теплого воздуха мягко толкает Сэма в лицо, плечи и грудь и опрокидывает его навзничь. В ушах звон.

Топот чьих-то ног, обутых в тяжелые сапоги, по черной лестнице. Дощатая дверь чердака сорвана с петель. Четыре человека поднимают Сэма и несут его:

– Т-с-с! Ни звука!

– О, мистеры. Мне ничего не будет?

– Заткнись! Ни звука!

– Ни звука, дорогие мистеры.

Сэма несут через черный двор в переулочек, где нет ни живой души, укладывают в закрытый автомобиль; четыре молотка усаживаются по сторонам Сэма; фыркает мотор; ав-

томобиль срывается с места и несет Сэма неизвестно куда.

– Мне ничего не будет, добрые мистеры?

– Т-с-с! Не ори!

– Молчу. Молчу.

– То-то.

А толпа патриотов бушует у клуба «Пятиконечная Звезда». Она бьет окна и грохочет:

– Бей агентов Москвы!

– Сорвать им головы!

– Линчевать! Линчевать!

Отряд полисменов, примчавшийся на грузовике, работает дубинками, сдерживая напор взбесившихся патриотов.

В кольцо полисменов с револьверами на взводе из клуба «Пятиконечная Звезда» выводят тридцать человек. Длинный Джек Райт бел, как бумага, и на лбу его ярко выступают два шрама – один вдоль, другой поперек, точно алый крест.

– К суду Линча московского наемника!

– Бей!

Чей-то костыль летит в Джека Райта и ударяет его в грудь. Джек Райт шатается, белеет еще больше и, покрывая своим металлическим голосом рев, вой, свист патриотов, кричит:

– Это провокация! Коммунисты не действуют бомбами!

– Знаем мы эти увертки! Бей! – воет толпа.

– Бобби! Спрячьте ваши револьверы!

– Отдайте их нам. Мы их проучим.

Но бобби ведут красных к автомобилю. Весь список крас-

ных отправляется в тюрьму.

V

– Доложите мистеру, что я здесь.

– Мистер Ундерлип принимает ванну и просит вас пройти в ванную.

В ванную – так в ванную. В конце концов самолюбие – пустой предрассудок, который стоит очень дорого и доступен в полной мере только людям с толстыми бумажниками.

Редиард Гордон делает вид, что обычное место для деловых разговоров ванная, и с независимым и беспечным выражением на лице входит в ванную хлебного короля.

Странная штука – эта ванна мистера Ундерлипа. Она не мраморная, не фаянсовая, не цинковая, как все прочие ванны, а из какого-то серого, желтого камня, на котором высечены полуистертые барельефы в египетском стиле. Не ванна, а настоящий египетский саркофаг.

Розовая гора тела плещется и фыркает в этом саркофаге. И когда Редиард Гордон входит, к нему поворачиваются розовые жирные плечи и круглая голова, из-под огненных кустика бровей на него весело глядят две голубые искорки.

– Ага, мистер Редиард Гордон! Ф-р-р! Очень хорошо. Садитесь вон в то кресло.

Редиард Гордон садится. Ундерлип отфыркивается, подгибает свои волосатые ноги, чтобы усесться поудобнее, и опять глядит на Редиарда Гордона.

– Что? Эта ванна? Она походит на саркофаг? Х-хо!

Да это саркофаг и есть. Саркофаг Аменофиса Третьего. Ловко, не правда ли? В этой гробнице, в которой покоился прах царственного фараона, купается хлебный король Ундерлип, дед которого... Ах, мистеру это неизвестно? Дед Ундерлипа был пастухом. Да, да, простым пастухом. А его внук, Ундерлип, моет свой зад в гробнице фараона. Хорошо придумано? Это стоит больших денег, но зато сознание своего достоинства, мистер! До-стоин-ства!

Ундерлип поднимает вверх свой пухлый указательный палец и несколько раз с чувством повторяет:

– До-сто-ин-ства!

Затем он вылезает из ванны, заворачивается с головою в мохнатую простыню и садится против Редиарда Гордона.

– Вот что, милейший мой, – говорит он, хитро щуря глаза. – Будем говорить начистоту. Я вас ценю потому, что вы умеете оболванивать массы.

– Оболванивать?

– Ну, это, может быть, немножко резко, – уступает хлебный король. – Скажем: околпачивать. Или еще вежливее: обставлять. А? Что?

Редиард Гордон видит, что у хлебного короля игривое настроение, и в тон ему подтверждает:

– Да, да, я умею, мистер.

– Ведь девяносто девять процентов людей – это круглые идиоты. Что?

Редиард Гордон решает трудную задачу: считает ли хлебный король, что он, Гордон, входит в число девяносто девяти или в число избранного одного процента.

– М-м! – мычит Редиард Гордон.

– Умным людям нужны деньги, а идиотам нужна идея. Ид-е-я! Подавайте им идею, иначе они взбунтуются. А?

– Д-да, идея, – робко произносит Редиард Гордон, не зная, куда клонит Ундерлип.

– Вам известно, что война решена?

– То есть, пока еще неофициально, мистер.

– Что значит «неофициально»? Я, Лориссон, Бранд, Дэвис, четыре треста решили. Ну? Америка в союзе с Францией против Англии и Японии. Ясно, как на шахматной доске. Что?

– Я весь внимание, мистер.

– В наших руках вся американская пресса. Я, Лориссон, Бранд и Дэвис скупили половину акций газетного треста «Полиграф».

– Отлично, мистер.

– Нам нужен человек, который умеет выдумывать порох. Этот человек вы, Редиард Гордон.

– Я? Позвольте вам выразить...

– Ничего не надо выражать, – жестом освобожденной из простыни голой руки останавливает его хлебный король. – Вы будете главным директором всех наших изданий.

Что?

Пока ошеломленный Редиард Гордон находится в счастливом трансе, Ундерлип скидывает с себя простыню и влезает в кальсоны.

– Позвольте все-таки выразить... – пробуждается из забытья Редиард Гордон.

– Нет, повторяю: не надо выражать, – похлопывая по своему животу, говорит хлебный король. – Выдумайте порох!

– То есть?

– Нам нужна идея. Понимаете? И-де-я! Ха-ха! Идея для остолопов, для баранов, крепкая, как нашатырь. Идея, которая била бы в нос и исторгала бы слезы. Слезы умиления. Слезы патриотизма. Словом, нам нужно, чтобы все поголовно захотели воевать. Что вы скажете? Выдумайте, мистер, хороший порох, и вы тоже будете купаться в гробнице какого-нибудь фараона.

Редиард Гордон складывает обе руки, ладонь к ладони, и поднимает их вверх:

– Господи, боже мой! Разве не я выдумал Кингстон-Литтля? Разве не я выдумал «Америка для американцев»? Разве не я...

– Вы, вы, вы! Но нам нужно еще крепче. Ведь это война, вторая война. Понимаете?

– Есть, мистер.

– Ну?

– Выпустите на миллионы долларов акций всех четырех трестов в мелких купюрах. На три-четыре миллиона. Самая

широкая рассрочка. Верная гарантия дивиденда. Военная сверхприбыль дает сверхдивиденд.

– Ага! Ага!

– Каждый рабочий получает акцию. Каждый рабочий хочет войны. Жаждет победы Америки, потому что он акционер и патриот. Америка для американцев, все дивиденды всего земного шара для американцев.

– Вы выдумали настоящий порох, Редиард Гордон. Позвольте выразить вам...

Тут приходит очередь и за Редиардом Гордоном. Он повторяет жест хлебного короля.

– Не надо выражать, мистер. Я выражу все это в прессе.

– Выражайте.

Ундерлип ныряет головой в свою сорочку и оттуда еще раз бормочет:

– Выражайте, мистер Гордон.

Автомобиль с Сэмом останавливается за городом, на пустыре, Сэма ведут к одинокой ферме, находящейся в полуверсте от дороги, среди забранных колючей проволокой полей. Молодцы вталкивают Сэма в ферму, а сами остаются за дверью.

В комнате только один человек – Кингстон-Литтль.

Он сидит на табурете, за большим некрашеным столом, опершись о стол локтями и опустив голову на руки, и смотрит прямо на Сэма.

– Сэр, мне ничего не будет?

– Болван!

Вот тебе и тонкое обращение! Собственно, почему он прежде был мистером Сэмом, а теперь стал болваном? Разве он не сделал все, что нужно?

– Потому что вы скисли, мистер Сэм.

– Мистер, я не знал, что это бомба. Если бы я знал, что это бомба. Если бы знал, побей меня бог...

– За то, что вы идиот, вас бог и побьет, уважаемый мистер Сэм. Видали ли вы когда-нибудь настоящие бомбы?

– На войне я видел, мистер, ручные гранаты. Это не то, что та жестянка, которую вы мне дали.

– То-то! Это и не была бомба, мистер Сэм.

– Но она взорвалась, когда я ее бросил.

– Это была хлопушка. Поняли? Хлопушка!

– И она никого не убила?

– Никого.

– Но взрыв, мистер? У меня до сих пор звенит в ушах.

– Потому что вы трус, уважаемый мистер. Все вам показалось со страху.

– Для чего же надо было бросить эту штучку?

– Вы патриот, мистер Сэм, но в политике ни уха, ни рыла не понимаете.

– Ни рыла, мистер.

– Ну, и не суйте нос не в свое дело. Молчите. А если вы кому-нибудь скажете хотя бы одно слово, то... Вы видите,

уважаемый?

Кингстон-Литтль вскакивает и сует под нос Сэму блестящее дуло револьвера.

– Видите? Наши ребята живо сфабрикуют из вас покойника.

– Побей меня бог, мистер Литтль. Никому! Ничего! Кингстон-Литтль садится на свое место и прячет револьвер в карман.

– Почему вы еще не экипировались, Сэм?

– Я еще не успел экип... Тьфу!

– Вон там сверток. Переоденьтесь. Вся одежда на вас в ключьях.

– Это от хлопушки?

– Ну да, от хлопушки.

В свертке новенький синий костюм. И кепка тоже. И даже глаженная рубашка. Сэм живо переодевается и становится таким Сэмом, каким он был в лучшие времена.

– Вам вредно общество. Некоторое время, с месяц, вы должны жить один и забыть о хлопушке. Вот вам еще сто долларов. В версте отсюда – станция пригородной железной дороги. Купите билет, вернитесь в город, найдите сегодня же комнату, и завтра в десять часов утра приходите ко мне. Все.

Кингстон-Литтль кивает головой. Сэм выходит. Молодцов за дверью уже нет. Вдали, на пустыре, стоит автомобиль с шофером.

Сэм нащупывает в кармане нового костюма новенькие бу-

мажки, идет по пыльной дороге к станции. Тревога улеглась в душе Сэма. Раз это была хлопوشка, то до остального ему нет никакого дела, тем более что он, черт возьми, выходит-таки в люди.

Но вдруг он вспоминает: взмет пламени, что-то летит вверх и во все стороны, штукатурка сыплется с потолка на плечи, на голову, толчок воздуха опрокидывает его.

Разве от хлопوشки это бывает? Что-то начинает вгрызаться в сердце Сэма, точно мышь, настойчиво и упорно.

На станции, когда Сэм стоит в очереди у окошка кассы, молодой человек в котелке говорит, обращаясь к фермеру с козлиной бородой:

– На Бродвей-стрите красные бросили бомбу.

– Нет, это была хлопوشка, – вмешивается Сэм.

– Хороша хлопوشка! Двое убитых и несколько раненых.

Вы, парень, может быть, из ихней шайки?

– Линчевать их надо, вот что! – ворчит фермер, косясь на Сэма.

Сэм окончательно скисает, а мышка все яростнее вгрызается в его сердце.

Джек Райт – в тюрьме, но на свободе Эдвар Хорн из Сан-Франциско. Эдвар Хорн против Кингстон-Литтля.

Эдвар Хорн – против королей угля, нефти, стали, хлеба, против парламента, против сената, против самого господина президента. Он тут, он там, он везде – в Нью-Йорке, в

Вашингтоне, в Чикаго, в Сан-Франциско. Во всей Америке гремит его голос, подобный грохоту железа. Может быть, их несколько, этих Эдваров Хорнов? Может быть... Газеты кричат:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.